

*Н. В. Эйльбарт**

**ЦАРЬ ИВАН ГРОЗНЫЙ В ПОЛЬСКО-НЕМЕЦКОЙ
ПРОПАГАНДЕ ВРЕМЕН ПСКОВСКОГО ПОХОДА
СТЕФАНА БАТОРИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ «АКРОСТИХА»
ВАЛЕНТИНА НЕОТЕБЕЛЯ)**

В статье рассматривается не введенный до настоящего времени в оборот в российской исторической науке источник — старопечатное издание на польском языке, принадлежащее перу лютеранского пастора Валентина Неотебеля под названием «Акростих моего мнения о великом князе московском». По жанру оно представляет собой нечто среднее между драмой и политическим памфлетом, изобличающим «злодейства» царя Ивана Грозного. Очевидно, что этот источник сыграл немалую роль в антирусской пропаганде времен похода Стефана Батория на Псков, он написан красочным поэтическим языком и заслуживает самого пристального внимания специалистов. Фрагменты «Акростиха» приведены в статье в нашем переводе и будут полезны исследователям эпохи Ивана IV.

Ключевые слова: Иван Грозный, Стефан Баторий, Ливонская война, осада Пскова, старопечатные издания, Валентин Неотебель.

N. V. Eylbart

*TSAR IVAN THE TERRIBLE IN THE POLISH-GERMAN PROPAGANDA
DURING THE PSKOV CAMPAIGN OF STEFAN BATORY
(BASED ON MATERIALS FROM “ACROSTIC” BY VALENTIN NEOTEBEL)*

The article examines a source that has not yet been put into circulation in Russian historical science — an early printed edition in Polish by Lutheran pastor Valentin Neotelbe entitled “Acrostic of my opinion about the Grand Duke of Moscow”. In genre, it is a cross between a drama and a political pamphlet exposing the “villainy” of Tsar Ivan the Terrible. Obviously, this source played a significant role in the anti-Russian propaganda during the campaign of Stefan Batory to Pskov, written in colorful poetic language and deserves the closest

* Эйльбарт Наталия Владимировна — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России с древнейших времен до нач. XIX в. института истории и социальных наук Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена; ejlbart@mail.ru

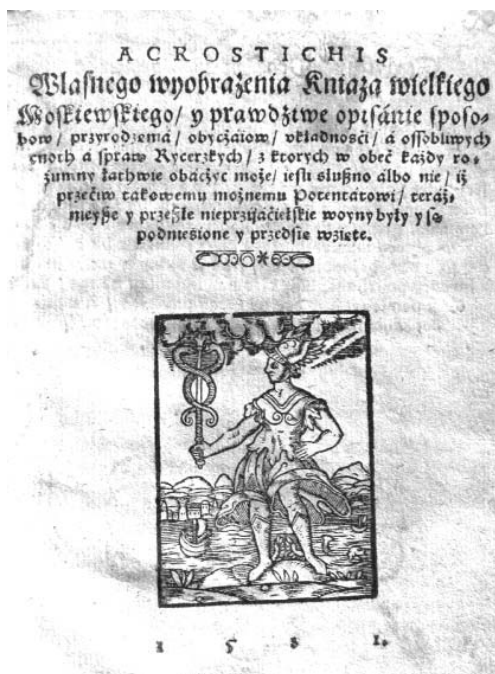
attention of specialists. Fragments of «Acrostic» are given in the article in our translation and will be useful to researchers of the era of Ivan IV.

Keywords: Ivan the Terrible, Stefan Batory, the Livonian War, the siege of Pskov, early printed editions, Valentin Neotelbel.

Несмотря на прекрасную изученность вопросов, касающихся как личности царя Ивана Васильевича, так и проводимой им Ливонской войны, на многочисленные публикации полного текста источников, освещающих эти проблемы, нам все же удалось обнаружить старопечатную брошюру, до настоящего времени не введенную в научный оборот в отечественной исторической науке и в списках источников, насколько нам известно, не значащуюся [5]. Речь идет об изданной в самый разгар псковского похода Батория пропагандистской книге на польском языке, принадлежащей перу немецкого поэта Валентина Неотебеля под названием «Акростих моего мнения о великом князе московском» [10]. Знакомство с этим поэтическим текстом, на наш взгляд, чрезвычайно красочным с художественной точки зрения и безусловно в свое время будоражившим умы обывателей ничем не хуже современных фильмов в стиле «хоррор» или «жареных фактов», преподносимых бульварной прессой, позволит нам не только понять изощренность приемов антимосковской пропаганды более чем четырехвековой давности, но и обратить внимание на упомянутые в нем некоторые события из жизни царя Ивана, истинность или ложность которых еще предстоит установить.

Прежде чем переходить к содержанию «Акростиха», посвятим несколько слов анализу того исторического контекста, который способствовал его появлению. Как известно, последняя фаза Ливонской войны, неудачно

складывающаяся для Московского государства и более успешная для Речи Посполитой, ознаменовалась бурной конфронтацией между Иваном Васильевичем и Стефаном Баторием, вылившейся в том числе и в переписку полемического характера [2]. Следует упомянуть, что еще совсем недавно Грозный был кандидатом на трон Речи Посполитой и в этом смысле соперником Батория, у него находились сторонники среди шляхты, которые активно вели агитацию за московского кандидата [7]. Известно также, что внутри Речи Посполитой не слишком рьяно поддерживали воинственные планы своего монарха, за исключением приближенных к трону кругов, самым влиятельным представителем которых был

возвышенный Баторием Ян Замойский. Стоявшие в оппозиции к королю влиятельные роды распространяли слухи о том, что государь не заинтересован в польской короне и, поссорив поляков с царем и заставив проливать кровь, обобрав шляхту до последней нитки, покинет трон так же, как сбежавший во Францию Генрих Валуа [12, s. 55]. Несмотря на победы Батория, ознаменовавшиеся взятием Полоцка и Великих Лук, сейм, собравшийся в Варшаве в январе 1581 года, с большой неохотой утвердил военный налог на следующие два года, обозначив, что этот «побор» для данной цели принят в последний раз (против очередного похода высказывался даже взявший Полоцк коронный гетман Николай Мелецкий). К тому же средства собирались так нерасторопно, что король отправился на осаду Пскова в большей мере за собственные деньги, испытывая недостаток во всем. Свидетель этой осады ксендз Станислав Пиотровский писал в своем дневнике: «Не удивляюсь, что королю трудно достать дома жолнеров, потому что кто же захочет идти на такую нищету: тратить тут имущество, капиталы, здоровье и пр. А внимания мало!» [3, с. 353] Вероятно, оба враждующих государя думали и о физическом устранении друг друга. В одном польском исследовании начала XX века нам встретились сведения о том, что Грозный подкупил некоего литовского шляхтича по имени Григорий Вершулович-Осьцик, хозяина местечка Коварск близ Вильно, и тот согласился совершить покушение на Батория, однако он, преданный собственным слугой, был казнен [12, s. 57–58]. «Дай Бог умереть московскому князю, пока мы доедем до Пскова», — в сердцах восклицает и упомянутый уже ксендз С. Пиотровский.

В подобной достаточно затруднительной для польской стороны ситуации и разгорелась та полемика, которая немногим ранее уже вылилась в обширные письма государей друг к другу, а затем в публикацию многочисленных антимосковских пропагандистских брошюр, которые посылались как самому Ивану Васильевичу, так и по всей Европе. О письмах монархов сказано довольно много, прежде всего исследователи отмечают обширность каждого из них. Например, изученное нами письмо Батория царю от 1579 года из-под Полоцка содержит 33 страницы и, вероятно, когда-то было сшито и переплетено в кожаный переплет наподобие брошюры [8], а царские ответы не уступали им. Весьма важный и интересный вопрос — авторство данных посланий. Исследователи эпистолярного наследия Грозного склоняются к тому, что пользующийся услугами представителей Посольского приказа царь, имеющий незаурядный литературный талант, безусловно, участвовал в их составлении и, что называется, «сыпал» только присущими ему остротами [1]. Касательно посланий Батория наше мнение таково, что король-солдат, не блиставший красноречием, целиком и полностью препоручал это своим дипломатам, и прежде всего немцу Гезе Тидеманну, выходцу из семьи богатого гданьского купца и большому недругу московских интересов в Ливонии. Приближенный ко второму Прусскому герцогу Альбрехту Фридриху, Тидеманн, в частности, транслировал Баторию точку зрения своего патрона, стремившегося сохранить положение своего государства в качестве польского лена и боявшегося русского присутствия в Прибалтике [9, 15]. По всей видимости, польское окружение короля, за исключением Я. Замойского и его партии, было не в восторге ни от присутствия в окружении государя немцев и венгров, ни от того, что измышленные Тидеманном язвительные послания

еще дальше отодвинут заключение мира с царем. Вот как об этом пишет ксендз С. Пиотровский: «После обедни читали в присутствии сенаторов ответ московскому князю, написанный Гизиусом. Пан канцлер (Замойский. — Э. Н.) сам переведет его на польский, так как мы, секретари, не сумеем сделать этого, а с польского на русский переведут литовцы и этот перевод пошлют московскому князю; латинский же подлинник канцлер хочет послать в Рим, чтобы сделать его известным всему свету... Не могу сказать, сколько всем хлопот с эти ответом; а мне с Гизиусом больше всего возни с ним. Сегодня целый день от восхода солнца до заката мы сидели над этой проклятой грамотой и все еще не кончили; не знаю также, что за выгода пану канцлеру вмешиваться в то, что, собственно, касается Литвы» [3, с. 299–300]. Вполне вероятно, что речь идет о том самом письме, где царь назван «фараоном московским» и которое содержит следующий пассаж: «И жалкая курица хранит цыплят своих под крылом, когда нападает на нее ястреб, а ты имеешь на печати двуглавого орла и прячешься по углам!» (12, s. 77). К данной словесной провокации добавлено приглашение Грозному прибыть на поединок. Вероятно, этим Тидеманн хотел подчеркнуть равенство короля и царя, ведь Иван Васильевич насмеялся над низким происхождением Батория и называл его не «братом», а «соседом».

В процитированном выше отрывке из дневника С. Пиотровского просматривается весьма интересное обстоятельство. Пропагандистские сочинения, рисующие демонические черты «московского тирана», писались изначально на латинском языке и были предназначены для «внешнего потребления», то есть для Центральной и Западной Европы и папского престола. Вот почему, на наш взгляд, среди дошедших до нас старопечатных брошюр подобного рода, принадлежавших перу как немецких, так и польских авторов, практически не встречаются польскоязычные. Даже пропагандистские труды «природного» поляка Кристофа Варшевицкого написаны и изданы сначала на латыни, а затем переведены на польский (например, его «Речь к Стефану, королю польскому» 1582 года) [14]. Конечно, не последнюю роль здесь сыграло и то обстоятельство, что венгр Баторий общался со своими польскими подданными на латыни, но и озвученная нами версия о «целевой аудитории» для этих изданий кажется нам более допустимой.

Пропагандистская брошюра уроженца Лейпцига лютеранского пастора Валентина Неотебеля (1538–1601) (настоящая фамилия, вероятно, Тебель, а приставка «Нео» приписана в качестве литературного псевдонима) «Акростих моего мнения о великом князе московском», на наш взгляд, изначально была написана автором на немецком или латинском языке и переведена и издана на польском в 1581 году в населенной большей частью немецкими выходцами Торуни, откуда, скорее всего, и происходил неизвестный нам переводчик. Специалисты в области польской филологии полагают, что это ни много ни мало первая известная науке книга на польском языке, изданная в этом городе. Она была рассчитана на польскую шляхту, так переменчиво и легкомысленно относящуюся к внешнеполитическим устремлениям своих королей и более всего блюдущую собственное материальное благосостояние. Еще совсем недавно эта шляхта склонялась выбрать Ивана Васильевича своим повелителем, теперь же ей нужно было представить все ужасы правления «московского фараона»

и напугать настолько, чтобы она увидела в нем своего главного врага, более грозного и кровавого, чем турецкий султан. Не исключено, что переводчик мог присовокупить что-то и от себя, изменив оригинал. По крайней мере мы встречаем в тексте «Акростиха» термин «русек», презрительное обращение поляков к русским, которое не могло быть известно не владевшему в достаточной мере польским языком В. Неотебелю, а также записанные латиницей чисто русские фразы вроде «пить за меня не хочешь», вложенные автором в уста царя. Подобные приемы, когда «перевод» не вполне соответствовал оригиналу, были широко распространены в то время [6]. Этим «грешит», например, перевод с латинского языка на польский «Хроники Европейской Сарматии» Александра Гваньини, выполненный с собственными, отличными от оригинала текстовыми вставками поляком Мартином Пашковским [4]. Таким образом, мы позволим себе считать «Акростих» трудом «коллективного», «немецко-польского» автора.

Выше мы уже отмечали художественные достоинства этого поэтического произведения. В 2016 году оно привлекло внимание польских филологов и впервые с 1581 года было переиздано сотрудниками факультета полонистики Варшавского университета [11] и вызвало, в свою очередь, появление на этот счет критических статей исследователей и специалистов в сфере старопольской литературы [13].

Сделаем здесь краткий анализ самого текста и процитируем наиболее яркие фрагменты в нашем переводе (уточним, что перевод выполнен с оригинального издания 1581 года, хранящегося в Курницкой библиотеке в Польше). Обложка этой брошюры снабжена красноречивой иллюстрацией: богиня войны Беллона держит в правой руке кадуцей — античный жезл с двумя обвитыми вокруг него змеями. Жезл этот символизировал согласие и мир, однако то, что находился он в руках божества войны, должно говорить о том, что мир и согласие возможно водворить только вооруженной рукой. В этой аллегории мы усматриваем намек: мир между Речью Посполитой и Московским государством, по мнению издателей данной книги, возможен лишь через поля сражений. Сам текст, представляющий собой некую смесь между обличительным памфлетом и драмой, в центре повествования построен в форме диалога царя с ... собственной совестью. Грозный, названный в диалоге «Московит», хвалится своим происхождением «в четырнадцатом колене от цесаря Октавиана», богатством и властью:

«Всем нациям известно, я — царь, король вельможный,
Все то — по воле Божьей, для всех народов грозный» (стихи 5–6).

«Великим государем поставил Бог Создатель,
И ты, о Русь, признала, что я твой повелитель.
И дикие татары отныне мне послушны,
Я два их государства держу в руках надежно» (стихи 9–12).

«И даже Север хладный признал великим князем,
Уже и для лапландцев стал грозным государем.
Пошли под мою руку Лифляндия с Литвою,
Пусть знает каждый в свете, я князь, имею много» (стихи 27–30).

«Весь рейх немецкий тоже шлет нам в Москву подарок,
Скажу я даже больше: дрожит пред мною турок.
И швед, датчанин также передо мной покорны.
Как заяц барабана, боятся все Ивана...» (стихи 60–63)

«Я сам себе хозяин и титулы имею,
О них я не старался, и не купил у церкви.
Иные пусть их купят у цесаря и папы,
И дивным красноречьем в ответ их ублажают,
Чтобы добиться чина, хотя бы и без денег,
Но что им в том, в доходах всяк будет так же беден» (стихи 79–84).

«Давно молва судачит, что я тиран жестокий,
Дрожит передо мною богатый и убогий.
Меня лишь удивляет, что пишут во всем свете,
Иное что познает всяк, кто ко мне приедет.
О том я вопрошаю, кому чинил обиду,
Пусть скажет кто смелее, где обошел я право.
Нельзя карать злодея, иль притеснять нахала,
И уважать, бояться, тогда все перестанут?
Поверьте, это правда, ведь доброго люблю я,
И щедро такового богатством одарю я.
Повесил многим прежде на шею цепь златую,
Три раза обвивая ее в длину большую» (стихи 101–112).

На наш взгляд, многие употребленные здесь обороты и метафоры были действительно использованы Иваном Грозным как в переписке с А. М. Курбским, так и в посланиях к королям Сигизмунду Августу и Стефану Баторию. Таким образом, пастор Неотебель, или же тот, кто переводил его рифмы, был очень хорошо осведомлен в данном вопросе. Чрезвычайно занимательной выглядит в свою очередь та часть, где «Совесьть» в стихотворной форме укоряет царя в его грехах. Здесь также видны заимствования из изданной ранее литературы, например, из «Хроники Европейской Сарматии» А. Гваньини. В монологе царской «Совести» можно выделить самую существенную ее часть: описание казней и злодейств «пана Ивана». Здесь использованы довольно жесткие эпитеты: «хуже, чем палач», «Пилат», «жестокая bestия», «Калигула», «Нерон», «тиран Дионисий», «тиран Клавдий», «ненасытный волк», «содомский грешник».

Описание внешности и характера царя, в которого «вселился дьявол», в строках 345–352 должно вызвать страх у читателя:

«Жестокий, страшный, грозный, скупой и ядовитый,
Огромный, исступленный, везде ты знаменитый.
Всему христианству враг, пожалуй, самый главный,
Обычай, добродетель, все то ты ненавидишь.
Нет в свете человека, ни князя-государя,
Чтобы медведем рыскал, от вечера до утра;
Нет bestии ужасней, ни тигра, ни дракона,
Рычащего льва в пуще, чтоб равный был Ивану».

Казни князя Д. Ф. Овчины Телепнева-Оболенского, И. П. Федорова-Челядниина, О. Ф. Гвоздева-Ростовского, новгородского архиепископа Пимена, дьяков Ф. Д. Сыркова и И. М. Висковатого автор «Акrostиха» воспроизводит по хронике Гваньини. Но более всего эмоций по замыслу Неотебеля (или же его переводчика), вероятно, должна была вызвать сцена экзекуции князя Петра Семеновича Серебряного-Оболенского (20 июля 1570 года), а также пленных поляков и литовцев (у Гваньини эта сцена не столь эмоционально окрашена):

«Был раз Ильи пророка святой великий праздник,
Когда к твоему сердцу пробрался черт из ада.
Из-за стола вскочил ты взбешенною собакой,
И не желал, чтоб в здравье послы достигли дома.
Ты гневался жестоко на многих панов радных,
И от доносов ложных имел на сердце рану.
Петра же Серебряна сразил тут твой гвардеец,
Не пощадив второго и третьего с четвертым,
И дав их обезглавить, вернулся в свою башню,
Поскольку сердце гневом еще большей щемило.
И приказал ты с башни, охваченный страстями,
Привести несчастных пленных, все чтобы стали рядом:
Стояли там литвины, стояли и поляки,
Что мыслил ты им сделать, то знали, бедолаги.
И Петр Бековский первый вперед на площадь вышел,
А ты сам лично пику в живот ему заправил.
Ее Бековский вырвал сам собственной рукою
И с ней к твоей особе бежал в жестокой муке.
Тебя бы смерть настигла, не будь твой сын с тобою,
И собственная пика тебя бы заколола.
Еще шляхтичей восемь убил всего за час ты,
За час твои убили и слуг их полтора» (стихи 643–664).

В последней части обвинения царя Ивана собственной «Совестью» Неотебель предрекает ему судьбу Голиафа, убитого Давидом малыми силами, и призывает во избежание этого заключить мир на условиях Батория. В ответ Грозный под именем «Московита» обещает ей целовать ноги римскому папе, просить у него индульгенцию и заключить с поляками мир с помощью папского посланника. Однако морализаторство автора не допускает положительного преобразования главного героя: заключительные строфы не дают читателю расслабиться и призывают не доверять «Московиту»:

«Сказал слепой: увидим, рад был бы, чтоб так стало,
Иван, я полагаю, что делать будешь мало.
Стары твои уловки, давно так интригуешь,
Чтоб победить обманом и днем, и ночью в думах» (стихи 869–872).

В заключение хочется выразить надежду, что выполненный нами перевод будет интересен исследователям эпохи Грозного. Еще раз подчеркнем, что произведение немца Валентина Неотебеля на польском языке, скорее всего, является переводом его же немецкого или латинского текста неизвестным

переводчиком-поляком или даже литвином, поскольку в данном тексте присутствуют русизмы, и мы исключаем, что немецкий пастор, даже долго живший в Польше, мог настолько хорошо владеть польским языком. Здесь мы видим пример использования услуг «литературного негра» эпохи раннего Нового времени без упоминания его имени. Поэтому относим данное произведение к польско-немецкой пропаганде, ибо «Акростих» является примером именно смешанного творчества и добавления переводчиком текста, который не мог быть в немецком или латинском оригинале. К тому же непосредственным заказчиком Неотебеля могли быть как прусский герцог, так и польский король. Предположительно компиляции с книги А. Гваньини относятся к авторству пастора Неотебеля, остальное же — к творчеству его переводчика. Надеемся, что читатель согласится с нашей высокой оценкой данного художественного текста, который вполне мог бы стать пьесой, поставленной в то далекое время на подмостках какой-нибудь рыночной площади, и, вероятно, повлиял на умонастроения тех, кто имел возможность его прочесть.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бачинский А. А., Иерусалимский К. Ю., Кочекская Н. А., Моисеев М. В. Дипломатическая переписка Ивана Грозного: проблемы авторства, хранения и бытования // *Российская история*. — 2018. — № 2. — С. 111–129.
2. Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Т. 1. — СПб., 1888. — С. 450–514.
3. Пиотровский С. Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию (Осада Пскова) // *Осада Пскова глазами иностранцев*. — Псков, 2005. — С. 257–449.
4. Прохоренков И. А. Загадка соавтора «Хроники Европейской Сарматии» Александра Гваньини (по поводу книги Михала Курана «*Marcin Paszkowski — poeta okolicznościowy i moralista z pierwszej połowy XVII wieku*») // *Studia Slavica et Balkanica Petropolitana*. — 2014. — № 1. — С. 193–205.
5. Филюшкин А. И. Изобретая первую войну России и Европы. Балтийские войны второй половины XVI века глазами современников и потомков. — СПб., 2013. — С. 291–598.
6. Эйльбарт Н. В. Рукопись «Дневника Мартина Стадницкого» как источник по истории Смутного времени // *Клио*. — 2016. — № 11. — С. 59–66.
7. Эйльбарт Н. В. Кандидатура Ивана Грозного на трон Речи Посполитой в польских политических памфлетах времен первой «вольной элекции» (1572–1574) // *Genesis: исторические исследования*. — 2020. — № 3. — С. 93–103.
8. Batory S. List do Iwana Groźnego // *Archiwum Morstinów*. — Rps. 6604 III.
9. Borawska T. Słownik biograficzny Pomorza Nadwiślańskiego. — Т. 2. — Gdańsk: Wydawnictwo Gdańskie, 1994. — S. 55.
10. Neothebel W. Acrostichis własnego wyobrażenia kniaźa wielkiego moskiewskiego. — Toruń, 1581.
11. Neothebel W. Acrostichis własnego wyobrażenia kniaźa wielkiego moskiewskiego. Wydawnictwo naukowe SUBLUPA. — Warszawa, 2016.
12. Niedzielski K. Batory i car Iwan w zapasach o Inflanty (1579–1581): karta z dziejów ojczyźtych. — Warszawa, 1916.

13. Rejter A. Obrazowość jako cecha stylistyczna szesnastowiecznego pamfletu politycznego. Uwagi o Acrostichis własnego wyobrażenia Kniaża Wielkiego Moskiewskiego Walentego Neothebela // *Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis. Studia Linguistica*. — 2020. — № 15. — S. 204–212.
14. Warszewicki K. *Ad Stephanum Regem Poloniae oratio*. — Wilno, 1582.
15. *Źródła dziejowe*. T. IX. Księgi podskarbińskie z czasów Stefana Batorego. 1576–1586. — Warszawa, 1881. — S. 307.